

ГЛАВА 1

В мир духов нам доступен путь

Доживал свой короткий век другой хрустальный штоф виски, не приближая, однако, и близко к развязке разговор, продолжавший нагромождать одни лишь безответные пока вопросы. Разговор тяжелел, но, странным образом, нарастающим прессом не пригнетал собравшихся друзей, а все ощутимее манил их острым привкусом риска, зовущей, пугающей, но не отталкивающей, а влекущей опасностью.

Они собрались втроем, привычным кругом — Михаил Арленович Блудов и Владимир Романович Мозгалевский, преуспевающие один в бизнесе, другой в чиновничьем мире не без помощи своего старшего друга — генерала Виктора Георгиевича Красноперова, чьи звезды в линейку на погонах, в понимании друзей, не отражали всей полноты его возможностей.

— Вы когда-нибудь задумывались о самоубийстве? — генерал щелкнул гильотиной, неаккуратно ободрав верхний смолянистый с серебряным переливом лист сигары.

— С чего вдруг? Мы же православные, — поперхнулся виски Мозгалевский.

— Я помню, — вздохнул генерал. — Это как раз и смущает. Прогуляться бы туда... и обратно, если вернуться захочется. Хотя вряд ли захочется.

— Чего на этот раз? Вискарь несвежий? Или таджики плитку на фазенде не ту выложили? — улыбнулся Блудов.

— Знаешь, Михаил Арленович, почему церковь запрещает самоубийства? — продолжал генерал, не принимая во внимание иронии друга.

— Потому что твоя судьба — это прерогатива Всевышнего, — не то спрашивая, не то утверждая, невнятно буркнул Блудов, предвидя логический тупик.

— Чушь! Скажи мне тогда, почему убить святого или гения — меньший грех, чем расстаться со своей бессмысленной параноидальной жизнью, которая противна даже тебе? Ты можешь вырезать целую обитель, уехать на пожизненное и через двадцать пять лет выклянчить помилование, вернуться в тот же монастырь на покаяние, сдохнуть, и тебя похоронят на благодатном погосте рядом с твоими жертвами. Но если ты сунул голову в петлю, собственноручно избавив мир от маньяка и придурка, то твоей матери-старушке, обезумевшей от горя, добрый батюшка, которого ты, возможно, спас от самого себя, предложит прикопать тело несчастного сына в придорожной канаве.

— Кошунствуешь, Виктор Георгиевич? — усмехнулся Мозгалевский, пополняя стакан.

— Вы не понимаете! Люди не боятся смерти. Они боятся пограничных состояний. Я люблю океан. Но меня тошнит от четырнадцати часов перелета, от коньячных соотечественников, даже в бизнес-классе жрущих, как дураки на поминках. Ладно, черт с ними. Я не об этом. Мы боимся болезней, тюрьмы, инвалидности, забвения — того, что, как нам кажется, предваряет смерть.

ВЫСШАЯ КАСТА

Но мы не боимся смерти! Боимся страданий, но не смерти. Боимся нищеты, но не смерти. Если бы она не была самым прекрасным, что подвластно человеку, оберегала бы ее церковь самым жестким запретом? А вдруг смерть — это и есть запретный плод?

— Ага. Ева не яблоко грызла, а собственные вены, — воспротивился Блудов сказанному, но почему-то не так уверенно, как ему хотелось. — Загнался ты, братуха. Поехали завтра в Дивеево. Глядишь и отпустит.

— А чего ты насчет суицида так завелся, Георгич? — Мозгалевский принялся рассматривать генерала через хрусталь стакана.

— Хочу на тот свет слетать. Но чтобы вернуться обязательно. Это ж как во сне, только дальше.

— Не понимаю, как ты медкомиссию по службе проходишь. Нехило, поди, отваливаешь за правильную справку, — Мозгалевский подмигнул Блудову.

— Я просто могу то, что вы не можете даже представить, а тем более поверить, — генерал не шутил, и это друзья понимали, но что-то сковывало их дальнейшее любопытство.

— Вера — это оружие наших надежд. Возможность поверить зависит только от того, насколько горячо мы чего-то хотим. Поэтому теоретически мы можем уверовать в твой самый дикий бред, — медленно проговорил Блудов, но совсем не то, что хотел сказать.

— Бред — не мой профиль, — генерал не намерен был смягчать тон разговора. — И я не меньше вашего не перевариваю психов и одержимых. Тема серьезная, хотя для вас, наверное, странная.

— Тогда уж давай, не тяни, добивай, ведь чуем, что не к десерту нас готовишь, — не выдержав напряжения, сдался Мозгалевский.

— Думаю, для вас не секрет, что мы занимаемся не самыми легальными разработками, связанными, — в повисшую паузу генерал подбирал точную фразу, — скажем так, с расширением сознания.

— То, что ваша контора курирует производство синтетической наркоты на фармацевтических заводах и травит галлюциногенным кайфом Россию и Европу, все и так прекрасно знают. — Блюдов попытался рассмеяться. Не получилось.

— Миша, ты, как всегда, всей пятерней в небо, — генерал энергично хватанул растопыренными пальцами воздух. — Не об этом речь. От КГБ мы получили в наследство несколько лабораторий для опытов над человеческим бессознательным. Официально это был советский ответ на один американский проект, в котором первую скрипку играл некий доктор Эвен Кэмерон, получивший в научное распоряжение живой материал.

— Он ставил опыты на людях? — Мозгалеvский крутнул стакан меж ладоней.

— Да, — кивнул Красноперов. — Кэмерон опробовал свои методы в секретных лабораториях США. Он утверждал, что существуют два ключевых фактора, которые управляют временем и пространством в нашем сознании. Первый — постоянное получение внешней информации, второй — наша память. Используя наркотики и электрический шок, Кэмерон разрушал память, а с помощью тотальной изоляции человека устранял поступление каких-либо сигналов извне. Он доводил сознание людей до состояния чистого листа, оставляя после себя сотни инвалидов. Эти программы финансировало ЦРУ. Естественно, мы не имели права отставать. Однако наши мозгоправы, которых коммунистическая партия бросила на этот неблагодарный участок работы, после развала Союза фактически стали преступниками. На их

ВЫСШАЯ КАСТА

счету немало неудачных опытов на вполне себе живых людях, превратившихся из лабораторных мышей в диссидентов-героев. Поэтому лучшие специалисты этого жанра предпочли исчезнуть. Кто-то подался к азиатским диктаторам, кто-то полез в петлю, свихнувшись, а может быть, спасаясь от расправы и позора. То, что создавалось десятилетиями, безвозвратно утеряно.

— Никаких архивов? — зачем-то решил уточнить Блудов.

— Только теоретические наработки, общие места, так сказать. Большинство практических методик и результатов утрачено. Никто не захотел передавать новой власти готовые уголовные дела на самих себя. Но кое-что осталось, правда, в рамках чисто прикладных исследований.

— Каких именно?

— Например, охранительных. Всякое там подавление воли генераторами низких частот. Люди собираются на митинг, агрессивный настрой. Аппаратура включается: публика начинает чувствовать страх и беспокойство. Полчаса — и толпа рассосалась. Но опять-таки, все это не очень удачные аналоги израильских и американских разработок.

— А при чем здесь расширение сознания? — Мозгалеvский не отрывал взгляда от раскрученной им янтарной жидкости в стакане.

— Ну, этим занимаемся не мы, а медики, генетики и мозгоправы. Финансирование у этих ребят в два раза больше, чем у всего российского образования, а секретность пуще, чем у всех наших спецслужб. И заметьте главное, одним из приоритетных направлений является изучение снов.

— Дарвин, Фрейд и прочая хрень? — Блудов, считавший себя неплохим аналитиком, пытался определить,

куда же клонит их друг, но не мог понять и теперь неудачу свою скрывал за небрежной улыбкой.

— Установлено, — в голосе Красноперова прорезались лекторские нотки, — что человеческий мозг задействует максимум одну десятую от своих возможностей. Это распространяется и на сны. Фрейд, Юнг, Бехтерева описали лишь доли процента общего потенциала снов. Их выводы сомнительны, поскольку не имеют практических результатов. Но вот новейшие исследования ДНК и структуры человеческого мозга привели к революционным открытиям.

— Георгич, мы ж не на лекции. Можно проще, без академизма? — Блулов разлил по стаканам остатки виски.

— Удалось установить взаимосвязь работы нашей памяти и ДНК, — генерал, не чокаясь, пригубил. — Оказывается, наш мозг подобен регистратору. Он записывает всю поступающую сенсорную информацию, в том числе и время.

— И на летнее время переводится? — съязвил Мозгалевский.

— Часы и минуты — лишь условная мера жизненного потока, — продолжал генерал. — Образ несовершенный и субъективный, это всего лишь человеческая уловка. Но время объективно, постоянно и нерукотворно, оно не может зависеть от человеческого сознания, от шестеренок и маятников. Настоящее время — это энергия, последовательная и бесконечная, которая не измеряется часами и годами.

— А чем тогда? — произвольно бросил взгляд на свой Vreguet Владимир.

— Если бы я знал, то мог бы из времени синтезировать информацию. А это уже нечто среднее между Нобелевской премией и мировым господством. Но мы уже

ВЫСШАЯ КАСТА

где-то рядом. Нам удалось установить, что ДНК фиксирует эту энергию. Каждая подобная макромолекула в нашем организме «пишет» нашу историю.

— Ничего себе объемчики! — присвистнул Мозгалевский.

— По сути, не так и много, даже с точки зрения нашего отстающего от Создателя прогресса. Сто лет — это где-то 880 тысяч часов. В среднем на один час более-менее качественной записи требуется один гигабайт памяти. Так что на человеческий век нужно всего-навсего 860 терабайт. По сравнению с предполагаемыми объемами ДНК ничтожно мало.

— Получается, что в останках любого человека можно отыскать запись всей его жизни? — Блулов вдруг почувствовал, как сквозь мутное умничанье проглянула суть разговора, то, ради чего и собрал их сегодня друг.

— Именно! Причем энергия времени заложена в ДНК в виде уникального кода, подобного географическим широтам, распростертым на все человеческие судьбы. Но пока для ученых это всего лишь биологическая нить в электронном микроскопе, которую нельзя ни промотать, ни просмотреть, а только лишь сопоставить с жизнями современников.

— Если из ДНК нельзя извлечь информацию, то какой во всем этом смысл? Дай мне бюджеты, я тебе каждый день буду подобные открытия делать. — Что-то очень важное вновь ускользнуло от Блулова, и он уже привычно растворил растерянность в иронии.

— Если информацию нельзя получить посредством зрения и слуха, это не значит, что она недоступна сознанию. — Генерал выдержал паузу, проследил, доходит ли до друзей им сказанное.

— Остается только ректально, — скривился Мозгалевский.

— Чужую генетическую запись можно ввести в мозг напрямую. — Красноперов снова сделал паузу и добился своего.

— Как?! — хор друзей заставил генерала улыбнуться.

— Если совсем примитивно, то это выглядит так. Тебе делают что-то, отдаленно напоминающее лоботомию. К вестибулярным ядрам продолговатого мозга подводятся микроэлектроды. Затем пускают разряды, которые обеспечивают определенное возбуждение нужного участка мозговой коры. А дальше в шишковидную железу делается специальная инъекция, состоящая из генетической вытяжки выбранного образца, синтезированного с группой психоактивных веществ. И во сне ты начинаешь жить чужой судьбой, привитой тебе, словно оспа младенцу.

— Наркоманы хреновы! Удумали историей колоться! Да ты гонишь, Георгич! — Блудов ощутил холодок под грудиной.

— Вместо собственных снов живешь чьей-то жизнью? — Какой-то неведомый прежде азарт охватил Мозгалевского.

— Можно и так сказать. Тебе прививают фрагмент чужой биографии, которую ты видишь в собственных снах. И каждый твой сон является продолжением предыдущего.

— И с какого момента мне станет сниться чужая жизнь? Не с пеленок надеюсь. — Мозгалевский не выдержал, вскочил с кресла, заходил по комнате, делая боксерские нырки.

— Временная нить появляется практически сразу с момента зачатия, на первой стадии формирования эмбриона, и прерывается примерно на третий день после смерти. Но специалисты могут имплантировать тебе любой фрагмент, подобрав самый интересный возраст и эпизод.

ВЫСШАЯ КАСТА

— А когда тебя отпускает? — Блудов все еще не мог поверить в реальность сказанного генералом.

— Все зависит от специфики организма и концентрации вводимого вещества. От месяца и выше с возможностью продления. Платить такие деньги за недельную дозу просто нет смысла.

— И насколько дорогое удовольствие? — живо заинтересовался Мозгалеvский.

— Дорогое. Как все волшебное и противозаконное. Сама операция семьсот тысяч «зеленых». Плюс стоимость материала. Здесь все зависит от вашей фантазии. Генетическая вытяжка из праха твоего дедушки обойдется тысяч в пятьдесят.

— А бабушки? — думая совсем о другом, автоматически брякнул Владимир.

— Не дороже, но я бы не советовал. Половое раздвоение может спровоцировать необратимые последствия для психики и привести к потребности смены пола или гомосексуализма.

— Ну а Пушкиным?

— Все зависит от доступности захоронений. В России этим занимаются люди из ФСО в качестве дополнительного заработка. Поэтому еще за полмиллиона баксов тебе отруют хоть Бориса Годунова. Ленин — это вообще не вопрос. Накывыряют из мумии. Там есть еще живые клетки.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Ленин живет всех мертвых на земле. У него растут волосы, ногти, костюмы изнашиваются. Одни кивают на дьявольские козни, другие — на выдумки химиков. Но я не стал бы вводить в себя Ленина. Препарат из Ильича использовали на тестах. Четверых подопытных мигрантов потеряли в течение месяца — два суицида, одно кровоизлияние в мозг, четвертый просто обезумел.

— А Чингисхана можно?

— Да хоть Мао Цзэдуна! Но уже на порядок дороже. Это в России взял лопату, лом, ксиву — и любые кости в твоём распоряжении, а осквернением иностранных могил у нас Служба внешней разведки промышляет. У них и аппетиты выше, и гонорары. За любой мало-мальский риск клянчат Золотую звезду героя, а это еще дополнительные расходы. Зато с такими снами любой язык за месяц освоишь: хоть китайский, хоть древний монгольский в совершенстве.

— А много уже таких... пассажиров, что ли?

— Половина нашей элиты, как пить дать. Президенту сначала Петра I вкололи, сейчас Махатму Ганди смотрит, опять-таки по слухам. Премьер качнул в себя Наполеона, через неделю начались истерики, видите ли, спать страшно стало. Чуть проект не закрыли. Сейчас ему Стива Джобса пообещали, вроде успокоился.

— Сатанизм какой-то, — Михаила передернуло.

— Всего лишь наука. Мы не воскрешаем людей, мы только оживляем их чувства. Сам Святейший благословил. Поговаривают, заказал себе сны папы римского Александра VI. Короче, предлагаю вам составить мне компанию.

— Куда? — все тот же дружный хор.

— В историю! — генерал вновь не сдержал улыбки. — Мне сейчас надо ехать, а в субботу жду на даче.

ГЛАВА 2

Юная особь

Виктория в отличие от большинства нежных особ, представляясь новым знакомым, к своим еще свежим годам присовокупляла несколько лет, чтобы

ВЫСШАЯ КАСТА

слегка упираться головой в тридцатник. Она стеснялась своего настоящего возраста, явно недотягивающего до окружающей ее кричащей роскоши. Девушка уже завязала с проституцией, по крайней мере так считала. Она давно занималась бизнесом, весьма успешно, по крайней мере так считали окружающие. Вика усиленно боролась с моральным бременем содержанки, донимавшим ее, как донимают солдат раны ампутированных конечностей, и периодически вступала в бой с женами своих благодетелей. В отличие от собаки, осмелевшей обляять хозяйку в минуту ревности к хозяину, получив пинка, Вика не возвращалась на место, поскуливая и поджав хвост, но гордо удалялась прочь, вынашивая план коварной мести, который зрел ровно до встречи очередного поклонника.

Хотя Эдуард Зиновьевич, последний кавалер Вики, которого она оставила полгода назад, и поступил благородно, заплатив банку полмиллиона долларов — остаток кредита за апартаменты в жилом комплексе «Алые полюса», девушка считала его бесконечным скрягой, научившись измерять щедрость мужчин не своими желаниями, а их возможностями. Квартира действительно была великолепна. Двадцать третий этаж, панорамные окна с видом на речную пойму затмевали дурную славу роскошного муравейника «неземных» человеков.

Строгинский канал, взрывающий живым серебром скуку зеленых равнин, являлся творением советских каторжан. Тела «сгоревших» на работе и расстрелянных эков-землекопов сваливали в могильники, вырытые по соседству. Когда же недоставало камня для укрепления берегов, то, как утверждают злые антисоветчики, с окрестных кладбищ экскаваторами и тракторами собирали весь могильный мрамор памятников и плит с косточками в довесок. Во время стройки «Алых полю-